

18+

Лев Голубев-Качура

СУДЬБА

РОМАН

Лев Голубев-Качура

Судьба. Роман

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Судьба. Роман / Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515598-6

Это ни в коей мере не исторический роман, хотя и охватывает период 18—21 годов прошлого столетия. Это история простых людей в Западной Сибири во время гражданской войны.

ISBN 978-5-00-515598-6

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

СУДЬБА	6
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Судьба
Роман
Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2020

ISBN 978-5-0051-5598-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУДЬБА

*«Внутренняя классовая борьба
даже во время войны гораздо
важнее, чем борьба с внешним
врагом...
(В. И. Ленин. Т.34. С.19)*

Часть первая

Глава первая

Евсей шёл по такой знакомой ему с детства тайге, и как-будто отрешённо, но на самом деле внимательно, смотрел по сторонам – сказывалась многолетняя привычка. В тайге нельзя быть беспечным... даже в знакомых местах!

За свои шестьдесят, с хвостиком, лет, он исходил её вдоль и поперёк. Он знал каждую балку, и где можно встретить ручей или родник, где найти соболя или белку. И, не дай бог, конечно, встретить хозяина тайги – медведя!

После встречи с ним, особенно зимой... с шатуном, ни убежать, ни спрятаться от него невозможно. Так и случилось с его сыном: он «белковал» и, как видно, встретился с ним на тропке... Евсей нашёл останки сына в тайге на третьи сутки, когда тот не вернулся домой с охоты.

Сноха не перенесла разлуки с мужем, и через год тихо угасла, оставив им со старухой малолетнюю дочь – Стешу. А вскоре за ней последовала и его жена Лукерья... Словно рок какой преследовал его... А может это было божье наказание за какой-нибудь его грех...? Но

сколько он не перебирал в своей памяти прожитые годы – не находил сколько-нибудь серьёзные грехи.

Так и остался он с внучкой Стешей доживать свой век.

Сейчас он шёл к «бобровой запруде», чтобы удостовериться, что бобры не ушли куда-нибудь, а поселились в ней надолго. Зимой, даст бог, можно будет добыть с десятков бобровых шкурок, и обменять их у проезжих купцов на муку и припасы к ружью...

Да и о Стеше надо подумать – в возраст вошла девка. Жениха надо для неё подыскивать... А вот где его искать? Не за коробейника же прохожего замуж отдавать...? За тунгуса? Они уже проведали о ней..., зачастили... О-хо-хо, жизнь наша...

Урядник тоже что-то чаще стал к нам наведываться... Кобель ненасытный! Придёт – напьётся, нажрётся, да масляными глазками так Стешу и оглядывает, так и оглядывает, словно она кобылица породистая... Пришлось запретить ей выходить из комнаты к гостю...

Так он, гад, даже как-то спросил: «...А чтой-то я внучки твоей не вижу Евсей? Али приболела она?». Пришлось грех на душу взять, соврать, мол в посёлок ушла к знакомым, а возвратится когда, не знаю... Евсей опять тяжело вздохнул, достал кисет, свернул самокрутку, и сунув в рот прикурил от огнива.

Шарик, бегущий чуть впереди, неожиданно остановился, и задрав морду, стал принюхиваться, словно что почувствовал. Евсей тоже остановился, и окинул взглядом окружающую тайгу. Ничего угрожающего не обнаружив, всё-таки укрылся за стволом дерева, и ещё раз сторожко огляделся.

Шарик, давний друг, защитник, и помощник в охотничьих делах, бросился вперёд, и отчаянно залаял. На белку али зверя он по-другому лает, решил Евсей... Тогда на кого? Злобы в его голосе не чувствуется, а лает так, словно зовёт. Надо пойтить посмотреть, тем более што пришли мы уже на место, к запруде...

Интересно, что же он там увидел..., или кого? Может бобры подышать воздухом вылезли? А может тунгусы лагерем остановились? Так ихние собаки уже давно бы бросились на Шарика... Интересно... Очень интересно...

Евсей медленно потянул из-за спины ружьё. Зарядил во второй ствол патрон с самодельной, крупной свинцовой пулей, и двинулся вперёд... Шарик, не переставая лаять, оглянулся на подходившего хозяина, и завилял хвостом. Опасности нет, решил Евсей, и более смело вышел на берег речки.

То, что он увидел, удивило его: в воде лежало прижатое к брёвнам течением реки, обездвиженное тело человека! Одежда на нём скорее напоминала лохмотья, чем рубаху или штаны – настолько они были изорваны..., и к тому ж он был разут.

Едятя тя мухи, удивляясь находке, пробормотал он. Это ж надо...

Евсей спустился к реке, и потащил тело из воды. Шарик, схватившись зубами за рванину, стал тоже тащить. Совместными усилиями им удалось вытащить человека на берег. Евсей приложил ухо к груди – сердце чуть слышно билось, но человек не дышал...

Евсей, быстро перевернув его на живот, положил на своё колено, и стал ритмично надавливать на него. Вскоре изо рта найдёныша потекла вода, и он судорожно вздохнул!

Слава тебе господи, перекрестился Евсей, опуская тело на землю – живой.

Понаблюдав некоторое время за спасённым, Евсей не смог дождаться от него открытия глаз, он только

слышал стон, больше похожий на вой раненного животного.

Осторожно ощупав и осмотрев тело, Евсей нашёл несколько переломов костей и открытых ран. Придётся

везть найдёныша на салазках, немного подумав, решил Евсей, токмо одному мне не справица...

Шарик! Окликнув сидящую рядом, и наблюдающую за ним собаку, приказал: «Шарик, бежи домой, за Стешей! Домой! За Стешей! Понял?».

Собака сначала побежала, затем, оглянувшись, и вернулась назад.

Евсей ещё строже приказал: «Шарик! Домой, марш!»

И собака, часто оглядываясь, хотя и неуверенно всё же послушно побежала обратно...

Евсей примостился чуть в стороне от «найдёныша», и с жалостью смотря на него, задумался. Судя по остаткам одежды... он не местный, решил Евсей. И на беглеца с приисков тоже не похож... Кто же он? Уж не разбойник ли с большой дороги что-то не поделивший со своими товарищами? Оставить бы его здесь, и не возжаться с ним...

Евсей ещё раз глянул на вытасченного человека.

Нет, не могу, вздохнул Евсей, совесть потом замучает до конца жизни: всё же человек этот полуутопленник, и крест на ём христианский на шее... Нет, не могу, окончательно решил Евсей, и стал дожидаться внучку Степаниду. Хорошо бы Стеша догадалась на лошади приехать, на последок своим рассуждениям подумал он и, отвернувшись от спасённого им человека, стал разглядывать бобровую запруду.

Однако, основательно устроились бобры... Это хорошо, потекла мысль о будущей добыче. Значит, приглянулось им место... Дай только бог, чтобы другие охотнички не прознали об ентом поселении, иначе изничтожат всех, порешат на корню... а жаль... Внучке бы на приданое бобровые шкурки, ох, как подошли бы... Евсей опять вздохнул, и услышал, как вздохнул найдёныш.

Евсей взглянул на него. Увидев открытые глаза, наклонился, и сразу же испуганно отшатнулся: в глазах найдёныша плескалась невероятная, непереносимая боль! И сразу же глаза вновь закрылись, а человек, издав протяжный болезненный стон, замолчал.

Уж не помер ли, подумал Евсей? Приложив ухо к груди раненного, он услышал слабое сердцебиение.

Ну, Слава тебе Господи, прошептал Евсей, не помер. Ты, паря, держись, мы с внучкой постараемся помочь тебе... А кто ты есть..., потом разберёмся. Главное, что ты человек, и крест у тебя на груди православный... Значит, наш ты человек, не какой-нибудь басурманин. Потерпи маненечко, милай, потерпи... Уж мы тебя с внучкой подлечим, поставим на ноги. Чай, понимаю маненько в травах лечебных..., ты токмо держись покуда.

Глава вторая

Стеша с обеда собралась печь хлеб: и печку уже протопила, и тесто замесила, и хлебы наделала. Прикрыв их чистым рушником, присела на лавку передохнуть, и подождать когда хлебы «поднимутся», чтобы потом в печь засунуть.

Стеша задумалась, так, ни о чём, и вдруг странная мысль посетила её голову. Испуганно перекрестившись, и прошептав – Господи, прости меня грешную, она упала на колени перед образами.

Ей привиделся человек..., падающий с крутого обрыва, и этот человек почему-то звал её, Стешу. Она, несколько раз перекрестившись, прочитала «Отче наш», и встав с колен, опять задумалась: «К чему бы такая мысль в голову втемяшилась?». Откуда она, ни с того, ни с всего, в голову влезла? Не иначе, как это козни дьявольские...

Но додумать не успела – за воротами послышался требовательный лай Шарика.

Деда вернулся, радостно вскрикнула она! Прикрыв

голову платком, она выбежала на крыльцо, и в ожидании остановилась. Но калитка у ворот не открывалась, а Шарик продолжал требовательно лаять.

Уж не случилось ли чего с дедушкой, посетила её голову тревожная мысль? И в то же мгновение её накрыло беспокойство – уж не с медведем ли дедушка повстречался?! А Шарик прибежал, чтобы предупредить её..!

Стеша бросилась к воротам! Шарик, как только калитка открылась, бросился к Стеше и, схватив её за подол юбки, потащил за собой...

Стеша поняла, с дедом случилась беда! Крикнув, подожди Шарик, побежала в сарай, вывела коня!

Вернулась опять в сарай, сняла с вбитого в стену гвоздя пару мотков верёвок, и, не запирая, вернулась в дом.

Сняв со стены ружьё, и, не глядя схватив горсть патронов и патронташ, выбежала к коню.

Шарик, сидел возле коня, и смотрел на дверь избы. И как только Стеша вышла из дома с ружьём в руке, бросился со двора.

Вскочив на коня, Стеша последовала за верным псом. Как-то она раньше не обращала внимания на бег собаки, но, оказывается, она могла бегать не менее быстро, чем лошадь! Стеша еле успевала наклонять голову перед низко растущими ветвями, или отводить их рукой, чтобы не быть выбитой из седла, или не поранить лицо. Путь был не близкий, но она всё подгоняла и подгоняла лошадь.

Стеше путь был знаком: они с дедушкой не раз ходили к запруде чтобы посмотреть, как обживаются бобры на новом месте. Поэтому она не боялась заблудиться. Да и верный Шарик не дал бы её этого

сделать – он знал дорогу не хуже неё. Правда, у неё иногда возникало сомнение, а точно ли дедушка на бобровой запруде? Может он где-то в другом месте? Но Шарик уверенно вёл её именно в ту сторону. Значит, что-то случилось с дедушкой именно там! Но, что?

Дедушка очень хорошо знает тайгу, в которой мы живём, и очень осторожен. Значит, ни заблудиться, ни попасть в чей-то капкан он не мог, рассуждала Стеша, пока конь скакал за собакой. Может кто-то сбежал с прииска и позарился на нехитрый скарб старика? Да, и ружьё у него отменное.

Однако и дед не так прост, чтобы не понять намерения чужого человека...

Что же произошло? А может пришлые уголовники..? От этой, внезапно пришедшей ей мысли, она даже натянула повод, и лошадь остановилась. Так, так... Надо глядеть в оба, а то можно попасть в руки разбойников...

Собака, не чувствуя позади себя хозяйку, тоже остановилась, и неуверенно залаяла, приглашая следовать за собой. Она даже завывала, не понимая, почему хозяйка остановилась, почему хозяйка не следует за ней,

Шарик сел, и вертя головой, то посмотрит в сторону запруды, то на Стешу... Затем, он опять вскочил и побежал, но хозяйка не двигалась, и он вернулся обратно...

Стеша, глядя на собаку, прочитала в её глазах укоризненное непонимание происходящего. Но Стеша уже приняла решение – ударив пятками коня, она вновь направила его в сторону запруды...

Шарик, словно поняв хозяйку, радостно взлаивая, помчался следом. Вскоре между деревьями показалась запруда, а рядом с ней стоял её любимый дедушка Евсей – живой и невредимый.

Соскочив с лошади, Стеша бросилась к деду, и обняв заплакала.

– Ты чего ревёшь, дурёха? – спросил Евсей удивляясь её слезам..

– От радости, – ответила Стеша.

* * *

И только сейчас она обратила внимание на лежащего человека.

– Это... кто? – удивлённо спросила она, и показала пальцем на лежащего: – Он мёртвый?

Нет. Живой, но сильно побитый, – ответил Евсей, – и без сознания. Хорошо что ты, внучка, на лошади, а то бы мы с тобой не дотащили его.

– А мы его на лошади повезём?

– Нет. Он почти не живой. И к тому же у него несколько костей поломаны...

Евсей задумался. Поводил глазами по сторонам что-то ища, затем остановил взгляд на куче брёвен – хозяйстве бобров.

– Придётся нам с тобой, Степанида, попросить пару слег займы у бобров.

Евсей ещё раз посмотрел на запруду, вздохнул, и, произнеся – простите нас – потащил из общей кучи брёвен и деревьев приглянувшееся ему, не слишком толстое дерево.

Стеша подошла, и тоже изо всех сил стала тащить, помогать деду.

Вытащив дерево из общей кучи на берег, Евсей пошёл за другим. Его он вытащил сам, без какой бы то ни было помощи внучки.

Стеша смотрела на дедушку, и не понимала, зачем ему они. Не сдержав любопытства, спросила:

– Деда, а что ты будешь с ними делать?

– А мы, внучка, из них соорудим волокушу.

– Волокушу, – удивлённо протянула Стеша. – Аа, как?

– Ты, внучка, иди наломай лапника, а я пока привяжу стволы деревьев комлями к седлу.

Потом мы настелим на них «лапник». Вот и получится волокуша.

– Теперь поняла, – ответила Стеша.

Пока Евсей привязывал стволы деревьев к седлу, пока связывал вторым куском верёвки, на расстоянии метра друг от друга, их вершины, Стеша успела натаскать целую кучу лапника.

Евсей критически осмотрел созданное им сооружение, кое-где даже надавил рукой, а потом приказал:

– Степанида, ложь лапник в два слоя. Первый слой поперёк, а второй вдоль.

– Щас, дедушка.

Стеша проворно стала раскладывать лапник на стволах деревьев, и остановилась, не зная что делать дальше. Оглядела свою работу – кажись всё правильно...

Евсей стоял чуть в стороне и наблюдал за её работой. Пару раз он заставил её переложить ветки в другие места. Затем сказал:

– А ну-ка, внучка, ложись на свою постелю, проверь.

Стеша легла на импровизированную постель, и почувствовала, как несколько веток упёрлись ей в спину. Поднявшись, она переложила их по другому, и вновь легла – сейчас стало более нормально: ничто не выпирало и не давило ни в спину, ни в бока. Она поднялась и, смотря на лежащего человека, сказала:

– Деда, щас ему будет удобно лежать.

– Тогда давай перенесём его на волокушу, – сказал Евсей, и направился к постанывающему человеку.

Человек продолжал лежать с закрытыми глазами, и как видно, ещё не отошёл от обморока.

– Стеша, ты возьмишься за ноги, а я за руки! – сказал Евсей. – Как только я досчитаю до трёх, сразу поднимай ноги и клади на волокушу! Поняла?

– Поняла, деда.

Стеша подошла к раненному, и впервые взглянула на его лицо. Оно было искажено болью, но всё же даже сейчас выглядело мужественно.

К тому же в нём проглядывала мужская красота.

Стеша почему-то испугалась, и, смутившись, быстро отвела взгляд. Неожиданно лёгкий румянец лёг на её лицо.

Евсей подвёл лошадь ближе к раненому, и поставил так, чтобы волокуша расположилась напротив обездвиженного человека. Сказав лошади «Тпруу! Стоять!», он подошёл к раненому...

– Степанида! Ты што, уснула, едятя ты мухи? Берись за ноги! – недовольно произнёс Евсей.

Стеша наклонилась, и взялась за ноги раненого.

На счёте «три» они подняли раненого и положили на волокушу. Когда раненого подняли, он дико вскрикнул, и на короткое мгновение открыл глаза.

Стеша побледнела, но успела заметить в его глазах плещущую через край безграничную боль. И опять он, Стеша это прекрасно поняла, провалился в забытье. Сердце её непроизвольно заболело от жалости к страдальцу.

А Евсей наклонился над раненым, и приложил ухо к груди. Бьётся, сказал он, значит шише живой. Только бы по дороге не помер...

– Степанида, веди лошадь. Пора отправляться до дому, – произнёс Евсей.

Опередив Стешу, Шарик схватил зубами повод, и потащил лошадь. Лошадь послушно пошла за собакой.

Молодец, Шарик, похвалил умного пса Евсей. Только дай это сделать Стеше. Пусть она ведёт лошадь, так быстрее доберёмся.

Шарик отпустил повод, и с чувством выполненного долга, помахивая хвостом побежал впереди кортежа.

Глава третья

Когда Стеша и Евсей внесли раненного в дом, и положили в свободной комнате на кровать, он был всё также без сознания.

Даже, когда они переносили его, он не издал ни звука. Он был словно бездыханная кукла, но сердце его, хотя и медленно, с перерывами, продолжало биться.

Евсей ножницами стал разрезать на нём одежду.

Стеша стояла рядом, и смотрела, как он это делает. Но Евсей не дал ей досмотреть до конца, строго прикрикнув:

– Степанида, чего стоишь рот раззявив? Быстро согрей воды, и тащи сюда! Надо помыть человека...

Стеша метнулась в кухню, поставила ведро на плиту и, наколов лучины, разожгла огонь. Вскоре вода согрелась.

Одной рукой схватив ведро, а другой тазик и тряпку, она вернулась в комнату.

Раненный уже был полностью раздет.

Стеша невольно загляделась на голое мускулистое тело, забыв подать тазик дедушке.

Евсей, не оборачиваясь, приказал:

– Степа, налей в тазик воды, да смотри, чтобы не очень горячая была, и вместе с тряпичкой подай мне.

Затем, неожиданно обернулся. Заметив направленный на голое тело раненого мужчины взгляд Степаниды, строго прикрикнул:

– Подь отседова! Нечего теперича тебе тут прохладяться! Иди занимайся своими бабьими делами!

Стеша, ещё раз украдкой взглянув на лежащего, вышла. Своим, хотя и неопытным женским глазом, она разглядела всё то, на что женщины в первую очередь обращают внимание: мужчина был молод, скорее юноша, чем взрослый мужчина, и отлично сложен. Хорошо развитые мышцы рельефно выделялись на его теле...

Значит, этот парень пригодился бы в их хозяйстве, непроизвольно подумала она. Ведь дедушка, хотя и старается не поддаваться возрасту, всё чаще стал сидеть на завалинке, и греться на солнышке.

Даа, постарел дедушка, здорово постарел, опять подумала Стеша. А я не смогу содержать хозяйство на должном уровне – здесь нужна мужская рука... Хорошо бы этот раненый найдёныш оклемался, и остался у нас жить... Почему-то краска смущения вновь проступила на её щеках, а сердцу стало тесно в груди...

Вот ещё! Стеша встряхнула головой, словно хотела избавиться от непрошенного видения, и опять щёки её запылали огнём.

Дура! Ох, какая я дура! Стеша, ойкнув, вдруг спохватилась – тесто-то совсем, однако, перестояло! Надо скорее спасать его. Она сняла полотенце – нет, ещё успею, сказала она себе, и откинув задвижку русской печи, сунула туда хлеба.

Глава четвёртая

Из забытья человек вышел совершенно неожиданно. Его вытащил из глубокой чёрной пропасти, и вернул к жизни женский голос.

Этот голос пел песню о «човне тихо пльвшем по морю, а в нём дивчина писню спивае, а козак чуе, сэрдэнько мрэ...».

Женский голос пел песню на украинском языке, это почему-то он сразу понял, и пел так задушевно.

Пел так, что непроизвольно на глазах человека показались слёзы.

Он хотел подняться из постели и подойти к окну, чтобы увидеть поющую, судя по голосу, молодую девушку, но... Но стоило ему пошевелиться, как адская боль пронзила его тело, и человек вновь провалился в глубокий темный омут...

И вновь человек, судя по выражению лица, приложив волю и оставшиеся у него в запасе силы, всплыл на поверхность. Его мозг и тело продолжали сопротивляться затягивающей петле омота, петле смерти. Челю-

век судорожно продолжал бороться за жизнь. Его мозг не хотел умирать... И сознание вернулось – он опять открыл глаза.

А в это время в окно заглядывала полная луна, и одурманивающе пахло свежескошенным сеном.

В её свете он огляделся вокруг – помещение было ему совершенно незнакомо: он никогда не был в этом помещении. Как я в нём оказался, спросил он себя, но память ему совершенно ничего не подсказывала. Даже самой малости он не мог вспомнить.

Человек лежал, и непроизвольно искал взглядом, чтобы найти хоть один знакомый ему предмет, но не

находил. Как, и почему он лежит в незнакомом ему помещении уразуметь он не мог... Ну никак не мог.

Вперив взгляд в потолок, он пытался хоть как-нибудь подстегнуть свою память, но у него не получалось. Все его потуги напрячь мозг заканчивались полной пустотой. Так и не найдя ничего, что подсказало бы о его теперешнем положении, он неожиданно начал проваливаться в сон.

Но человек по-видимому не хотел этого – он водил глазами по сторонам, пытаясь рассмотреть окружающие его предметы. Он напрягал память пытаясь вспомнить их названия, но, как видно, он был ещё слишком слаб, чтобы перебороть сон...

* * *

Вновь пришёл человек в себя ранним утром. Он это понял по мягкому свету, разлившемуся по комнате. И первое, что он увидел: голову склонившегося над ним ангела.

На него смотрели огромные, широко расставленные, ярко синие, словно омытое весенним дождём небо, глаза. А милое лицо окаймляла волна светлых, воздушных волос, сквозь которые струился солнечный, падающий из окна, свет. И этот ангел, журчащим словно ручеек голосом, спросил: «Как вы себя чувствуете?».

В первое мгновение он, околдованный неземным образом, смог лишь только молча смотреть на него... И лишь когда ангел повторил свой вопрос, он немного пришёл в себя, и смог нечленораздельно прошептать: «Хорошо...».

Как сквозь туманную дымку смотрел человек на поразивший его образ ангела, и в душе у него разливался покой. Не отрывая взгляда от прекрасного образа, он всё же насмелился спросить: «Вы ангел? Откуда вы?». В ответ ангел мило улыбнулся, и всё тем же нежным, воркующим голосом, произнёс: «Я дочь отца своего, и матери своей... А зовут меня... Стеша. А вас как зовут?»

Раненный наморщил лоб, видимо вспоминая. Так прошла почти минута.

Затем, он ответил чуть слышным голосом: «Я не знаю... Я не помню...», и надолго замолчал.

Ангел ещё немного подождал, затем, всё тем же нежным голосом произнёс: «Вам... нужен... отдых... Поспите ещё немного».

Убаюканный её голосом, он вновь закрыл глаза...

А Стеша, сидя рядом с кроватью, на которой лежал весь израненный, с переломами рук, ног, и нескольких рёбер, с глубокими рваными ранами на теле, человек, с какой-то материнской жалостью и заботой смотрела на него.

Она хотела взять его на руки, и баюкать словно малого ребёнка. Она хотела утишить его боль, забрать хотя бы часть боли себе..., дать этому найдёнышу, этому

парню, возможность хотя бы на малое время освободиться от неё...

Он лежал с закрытыми глазами – то ли спал, то ли дремал – и время от времени стон вырывался из его открытого, с пересохшими губами, рта.

Стеша обмакивала полотенце в воду, и осторожно, мягкими движениями, протирала ему губы. И ей иногда казалось, что он на некоторое время успокаивался.., реже стонал...

От его тела исходил запах дедушкиных мазей, и весь он был забинтован-перебинтован. Но всё же, не смотря на бинты и прибинтованные дедушкой дощечки к переломам, Стеша видела перед собой молодого.., её щёки

стали пунцовыми при воспоминании о нечаянно увиденном его голом теле, юношу.

Посидев ещё некоторое время рядом с раненым, Стеша, вспомнив о дедушке, вышла. И первое, что она услышала от него, был вопрос: «Ну, как он? Сильно страдает?»

Да, дедушка, ответила она, и повторила: «Да, очень сильно... Не дай бог никому такое страдание».

Глава пятая

С появлением в их доме раненного, у Стеши добавилось забот, но они не затрудняли её. Она даже представить не могла, что заботы о постороннем человеке могут быть настолько приятны для неё.

К концу дня она всё же уставала: ей приходилось, одновременно, вести и домашнее хозяйство, и не забывать о лежащем в комнате израненном человеке. Она часто заглядывала к нему, чтобы спросить, не нужно ли ему чего-нибудь...

Он уже половину месяца находился у них, и даже стал разговаривать. Но вот с воспоминаниями о прежней его жизни ничего не получалось – он даже не мог вспомнить, как его зовут.

Дедушка, на вопрос Стеши, почему раненый не помнит.., кто он такой, и откуда, неопределённо качая головой, ответил: «Степа, у него.., от полученных травм отшибло память... Надо какое-то время... чтобы память возвратилась... А может... и.., никогда не возвратиться...»

Но.., дедушка, загорячилась она, ты же можешь как-то помочь ему вернуть память. Ты же всё можешь! Так помоги..!

Человек не всесилен, вздохнул Евсей. Человек не бог, чтобы исцелить человека от всех недугов... Потерпи внучка, авось память возвратится к нему. Сейчас же он в здравой памяти.., не так ли? Вот и не тревожь его...

Так то.., оно... так.., задумалась Стеша, ну, а если.., она посмотрела дедушке прямо в глаза, он, не дай бог, конечно, и эту память потеряет..? Как же человек без памяти сможет жить?

На то... Воля Божья, ответил Евсей, и занялся хомутом.

Стеша сбегала в коровник, подоила, как ласково называла она её, свою кормилицу, процедила молоко, и вновь вернулась к раненому.

Дед Евсей давно уже обратил внимание на слишком уж заботливое отношение внучки к парню, но лишь усмехнулся. Ему самому приглянулся паренёк. К тому же, ещё тогда, в первую встречу с ним, по мозолистым рукам, он понял, парень не из белоручек.

И тайно, не говоря об этом Степаниде, подумывал – хорошо бы парнишка совсем остался у них. Пара здоровых, работающих рук не помешала бы в их хозяйстве. А

што он не помнит своё имя и своё прошлое, так это даже хорошо – его не будет тянуть назад это прошлое.

Поэтому, чего уж тут грех таить, он нет-нет, да в разговоре с ним заводил речь о его будущем. Тонко, как ему казалось, намекал, как хорошо они живут, почитай одной семьёй.. И ему нет никакого резону уходить от них. И без перехода в разговоре, спрашивал: «Так, как тебя, паря, зовут?».

Найдёныш, немного подумав, пожимал плечами, и в который уже раз отвечал: «Не помню... Ей богу, совсем не помню».

Стеша, однажды присутствующая при их разговоре, предложила называть его Найдён.

Парень равнодушно, немного поморщившись от боли, пожал плечами, и ответил: «Может и правда меня зовут Найдён... Пусть будет так».

С тех пор Стеша и Евсей его так и называли – Найдён.

Так и остался парень у них.

Глава шестая

Прошёл уже почти год с той поры, как Евсей вытащил парня из запруды. Раны зарубцевались, поломанные кости срослись. Найдён с удовольствием помогал им по хозяйству – пара лишних мужских рук помогла им выправить хозяйство, и они обзавелись ещё одной коровёнкой и лошастью.

Всё было бы хорошо, если бы не урядник. Он настойчиво продолжал добиваться Стеши, но она однажды, в гневе, указала ему на ворота. Урядник сильно обиделся, и затаил злобу – он не понимал, почему ему, всеильному уряднику, какая-то деревенская девка посмела указать на ворота! Дать ему... от ворот, поворот? Ну подожди, ярился урядник, я тебя заставлю поклониться! Я тебя отучу брыкаться! Не таких обламывал я!

И ещё... Настойчивый, сластолюбивый урядник не знал о существовании Найдёна.

А Стеша уже давно поняла – она любит Найдёна. Любит первой, чистой девичьей любовью. Она смотрела на него такими глазами..., такими глазами..., что любой другой человек давно бы уже обо всём догадался.

Не понимал этого только Найдён. Он относился к Стеше, как брат относится к сестре..., ровно, бескорыстно, всегда старался ей помочь, Он, наверное, так же относился бы к любому другому человеку, появись такой у него в жизни...

А может он вообще ничего в этом смысле не понимал? Не понимал, что девушка может любить не как сестра брата, а по-другому... Не понимал, что есть любовь между мужчиной и женщиной.

и эта любовь очень отличается от любви, той любви, которой он любил деда Евсея и Стешу...

Евсей видел страдания внучки, переживал, но ничем помочь не мог. Смотря на неё, и видя, как она страдает от безответной любви, слыша, как по ночам она, заглушая подушкой готовые вырваться рыдания плачет, он сам страдал. Он даже иногда готов был рассказать Найдёну о страданиях внучки, но что-то останавливало его. Но что?

Наверное он догадывался, что Найдён не поймёт его, что это пока не для его сознания, не для его понимания... Найдён представлялся ему большим ребёнком, потому что в некоторых вопросах он, действительно, рассуждал как пятилетний ребёнок. Его всё удивляло в хозяйстве Евсея, но учился он и запоминал быстро.

Стоило ему один раз показать или рассказать что, и для чего, так он это запоминал навсегда.

А хотя бы вот, что может понимать ребёнок во взаимоотношениях взрослых людей? Что? Да ничего... И Найдён этого не понимал. Для него жизнь началась с того момента, когда Евсей привёл его в чувство, а до этого... его мозг представлял чистый лист.

Евсей обиняком пытался выяснить у Найдёна, как он относится к женщинам, но тот только удивлённо открывал рот, и непонимающе смотрел на Евсея. Это заставляло Евсея иногда думать, что на большое внучке появился в их жизни этот, неизвестно как попавший в бобровую запруду парень. *горе*

Глава седьмая

Евсей и Стеша, как только кто-то появлялся у ворот, прятали Найдёна. Они слышали о призыве молодёжи в армию, и старались уберечь Найдёна от этой участи. Они понимали, что в силу своего беспамьятства он не годился для армии, но попробуй докажи это другим людям, особенно военным чинушам. К тому же у него не было никаких документов. Его можно

было принять за кого угодно: за разбойника, за бежавшего каторжника..., за любого человека скрывавшегося от властей.

Сам Найдён не понимал, для чего, и от кого его прячут, но такая игра ему нравилась. И он с удовольствием, словно это была игра в «жмурки», о которой ему рассказал дед Евсей, скрывался от посторонних глаз.

Так бы и не узнал никто о Найдёне, если бы не урядник. Он не оставлял мысли о мщении, и стал следить за домом Евсея. И однажды, залезши на дерево, уже вечером увидел во дворе постороннего мужчину.

Ага, заскрежетал он зубами, уголовного скрываете..! Беглеца с прииска прячете! Ну, всё, попались! Теперь я с тобой Степанида, и с тобой дед Евсей, поквитаюсь! Я отомщу вам за унижение!

И в порыве гнева, слезши с дерева, задумал сразу же ворваться в дом, и арестовать скрывающегося беглеца. Но пока шёл к воротам, другая, более коварная мысль посетила его голову: он решил прийти вместе с жандармами.

Он хотел и беглеца поймать, и Евсея засадить в тюрьму за укрывательство.

А Степанида, оставшись без защиты, сама приползёт к нему на коленях, и ещё будет умолять его о милости, решил он. Ничего, твердил он, попомните вы меня, попомните!

Сев на коня, он потихоньку уехал, чтобы утром явиться в местное жандармское управление, и обо всём доложить начальнику отделения, поручику Соломатину. Уж он-то не забудет моей услуги, и как-нибудь отблагодарит, криво улыбнулся урядник.

* * *

На следующий день, с утра пораньше, урядник прискакал к жандармскому отделению. Но поручика ещё не было.

Дежурный вахмистр, давний знакомец, на вопрос урядника, когда будет господин поручик, заговорщицки прошептал: «Их благородие сегодня ночует не у себя дома...»

Ты то, Василь Гаврилыч, откуда знаешь, тоже шёпотом спросил урядник? Э-хе-хе, засмеялся в ответ вахмистр, поработай с моё в жандармерии..., и не то будешь знать... Но я тебе ничего не говорил, прижал он палец к губам!

Ясное дело, кивнул головой урядник, подожду господина поручика у коня.

Уже поравнявшись с дверью, решил уточнить: «Василь Гаврилыч, а он точно будет?»

Не извольте беспокоится, Николай Фёдорович, господин поручик завсегда бывает на службе, ответил вахмистр, и уткнулся в какие-то свои бумаги. Затем, оторвавшись от бумаг, неожиданно спросил:

– А ты чего прискакал? Може я чем помогу?

– Та не..., Хотел трохи побалакать с поручиком о своих делах...

– Ааа, ну ладно. Тогда жди.

Что-то хитришь ты, дружок. Ежлив было так просто, не припёрся бы ты спозаранку, решил вахмистр, и по

смотрел вслед знакомцу. Не припёрся бы..., с сомнением повторил он. Знаю я таких..., встречал.

По его лицу явно было видно, что он очень занят, и ему некогда «лясы точить» даже с хорошим знакомым, но неожиданный приход, без «приглашения», Николая Фёдоровича, очень заинтересовал его. Он, как хорошая легавая собака, почувствовал своим крупным, с волосами в ноздрах носом, что от этого посетителя можно чем-нибудь поживиться. Он решил подслушать, о чём будет разговор урядника с начальником, а потом... Потом будет видно, как поступить...

А урядник, не задерживаясь, покинул приёмную начальника, хотя в душе и выругался: «Корчит из себя... Тоже мне шишка на ровном месте... Хотя... много может напакостить, не отмоешься...»

С такой, не очень лестной для вахмистра мыслью, Николай Фёдорович покинул приёмную канцелярии.

Выйдя на крыльцо, он посмотрел вдоль дороги – не едет ли господин поручик? Убедившись, что пролётки не видать, направился к коню.

Подтянув чересседельный ремень, оглядел, любуясь недавним приобретением, наборную сбрую. Потом, довольно улыбнувшись, принялся сворачивать самокрутку из листочка старой газеты и табака-самосада.

Он уже и кусок газеты оторвал, и щепотью подцепил самосад из кисета и... высыпал его обратно – на дороге показалась пролётка поручика. Подъехав к парадному входу, остановилась.

* * *

На козлах, рядом с ямщиком, сидел вооружённый винтовкой жандарм. Соскочив с козел, он, став во фронт, открыл дверку пролётки.

Поручик, лет тридцати офицер, в безукоризненно сидевшей на нём форме, подхватив саблю, спустился на «грешную землю». Во всяком случае так подумал урядник, увидав брезгливое выражение на его лице.

Подбежав, и вытянувшись по стойке «Смирно», отдав честь, урядник зачастил:

– Господин поручик, разрешите обратиться?

– Чего тебе, Николай Фёдорович? – не ответив на приветствие, поинтересовался офицер.

– Дело серьёзное, – ответил урядник, – местный житель, вы знаете его, некий Евсей с внучкой, прячет у себя в доме беглеца с каторги...

– Ты уверен в этом Николай Фёдорович?

– Я сам, господин поручик, видел его...

– Интересно..., интересно...

Поручик с любопытством взглянул на урядника.

– А внучка, как, хороша собой?

Лицо урядника затвердело.

– Так точно, господин поручик, – выкатив глаза, подтвердил урядник. – Очень хороша.

Что же, тогда понятен твой интерес, внутренне усмехнулся поручик. И понятно, откуда появился беглец... Не иначе, как хочешь нашими руками наказать строптивницу...

– Ну, что же, пойдём. Доложишь, что знаешь, – пригласил поручик Николая Фёдоровича.

Расположившись за столом, просмотрев несколько депеш, поручик поднял взгляд на продолжавшего молча стоять урядника.

– Что же молчишь, Николай Фёдорович?

– Дак я это... Жду вашего, господин поручик, позволения, – засуетился урядник.

– Так рассказывай, чего там произошло у старика с внучкой, – приказал поручик. – Потопись, у меня дел невпроворот.

– Слушаюсь!

Урядник на один шаг придвинулся к столу, и слегка наклонившись, начал рассказывать:

– Я давно уже начал подозревать за ними, особенно за дедом Евсеем, странности. В лавке, где они закупают продукты, хозяин тоже удивляется...

– Что же удивительного обнаружил хозяин? – слегка иронично поинтересовался поручик.

– Дак, много чего интересного...

– Ну, приведи пример, Николай Фёдорович, – попросил поручик.

– Дак... хозяин говорит – они продуктов больше покупать стали... Али это не причина обратить внимание на такое дело, господин поручик? – Николай Фёдорович вопросительно посмотрел на начальника жандармского отделения.

– Конечно... Конечно... Это стоит пристального внимания лавочника, – согласился с доводом урядника жандарм.

Поручик на некоторое время задумался.

Урядник выпрямился и, выкатив глаза, преданно, по собачьи, стал ожидать дальнейших вопросов жандармского офицера.

Пауза затягивалась. Николай Фёдорович, устав «тянуться» перед офицером, слегка пошевелился.

Его движение не ускользнуло от внимания жандарма, и он заговорил:

– Это хорошо, что ты с усердием служишь...

Значит, сделаем так... Надо ещё понаблюдать за этим... стариком... Вы, урядник, последите за ним, и... его внучкой... дня два-три, и если обнаружите постороннего человека...

– Я сразу доложу вам! – торопливо произнёс урядник.

– Нет. Зачем же сразу мне, – недовольно сморщился поручик. У меня дел невпроворот.. Вы, уж будьте любезны, доложите всё вахмистру, а уж он...

– Понял, господин поручик! – опять вытянулся урядник. Всё докладывать господину вахмистру. Разрешите идтить?

– Идите, голубчик, идите,

Поручик, провожая взглядом урядника, опять подумал: «Вот хитрец какой. Нашими руками хочет и «рыбку съесть, и костью не подавиться...», но отталкивать лишнего помощника не стоит... Нет, не стоит. Хотя... Вот уже год, как не было никаких случаев побега... Что он, сам придумал беглого, или...

Ну, да ладно, пусть последит, мало ли... Может и правда какой пришлый человек появился на моём участке, особенно из этих, он заглянул в бумаги, ре-во-лю-циа-неров.

При одном только упоминании этого слова, поручик сморщился, словно разжевал кислую ягоду.

Но пока, слава богу, у нас таких людей не появлялось, прошептал поручик, и вновь склонился над бумагами. Затем, словно что-то вспомнив, поднял голову – а может прав урядник, и у деда скрывается революционер?.. Да, пусть понаблюдает, пусть...

Поручик откинулся на спинку стула, и достав папиросу, покрутил между пальцами не закуривая.

Глава восьмая

Евсей заметил незванного наблюдателя, и это очень насторожило его. Он догадывался, вернее, знал о злоко-зненном характере урядника, и понял, что всё это неспроста: что-то он замыслил против нас, что-то ему от нас понадобилось, решил Евсей.

Он позвал к себе Стешу и Найдёна, и смотря поочерёдно на внуку и юношу, волнуясь, сказал:

– Ребятки, за нашим хозяйством, вернее, за нашей избой наблюдает урядник. Што ему от нас надобно, я не знаю.., но што-то надобно. Не зря же он крутится рядом... едят тя мухи...

Насколько я понимаю, хороший человек не стал бы скрытно следить за нашим домом.., – значит, у него какой-то злой умысел.

Вам, ребятки, надо уйтить на время в тайгу. Переждать в лесной избушке, ты, Стеша, знаешь к ней дорогу. Отведёшь тайно Найдёна, а сама возвернёшься обратно.., тоже тайно.

– Деда, а как же ты? Мы не можем тебя оставить одного, – возразила Степанида.

Найдён, не поняв её порыва, удивлённо посмотрел на девушку..

– Ничего. Недельку постараюсь сам как-нибудь справиться, а там, ты, Степанида, возвернёшься. А ты, Найдён, поживёшь пока в сторожке один, об ней никто не знат, окромя меня и Стеши.

– Хорошо, дедушка, – согласилась внучка, – только как ты увидел, что за нами следят?

– А чего ж не увидеть? Чай охотник я, и к тайге привыкший, издетства по ней брожу.

– Деда, а когда идти? – заволновался, ни разу не покидавший ограды, Найдён.

– Так шас и надоть. Ты, Степанида, собери што надо для прожитья Найдёну, и через лаз в заборе выходите. А я пока поговорю с урядником, отвлеку от вас энтого паразита в челове-
чем обличии, едятя тя мухи!

– Тогда я шас, дедушка. Найдён, собирайся, – сказала Стеша., и захлопотала.

Уложив в мешок немного крупы, соль, и кусок солёного сала, проверила ружьё и, надев на пояс патронташ, сказала: «Деда, я готова». Затем, заглянула в соседнюю комнату, и поискав взглядом, увидела Найдёна:

– Найдён, ты собрался?

– Угу, – ответил он, выходя из комнаты.

– Ну, ребятки.., – увидев вышедшую внучку с Найдёном, промолвил Евсей, – присядем на дорожку.

* * *

Скрытно выбравшись в тайгу, Найдён и Стеша направились на заимку, построенную ещё прадедом.

Шли быстро, стараясь как можно дальше отойти от наблюдающих глаз урядника.

Где-то около полудня Стеша и Найдён подошли к бобровой запруде, и остановились пере-
дохнуть.

Найдён с любопытством рассматривал запруду.

Стеша, остановившись рядом с ним, спросила:

– Ты помнишь это место?

Найдён, равнодушно пожав плечами, задал встречный вопрос:

– Стеша, а почему я должен помнить это место? Я впервые здесь.

И он, ещё раз поглядев на запруду, отвернулся.

– Ну, как же, – изумилась Стеша, – дедушка нашёл тебя здесь.., в воде, а потом мы пере-
везли тебя к нам в дом...

– Не помню, частно.

А я думала.., протянула девушка, что хотя бы это ты помнишь...

Она отошла от Найдёна, и расстелив чистую тряпицу, стала готовить незатейливый обед.

Когда было всё готово, она позвала Найдёна:

– Милый, иди, перекусим немного, нам ещё далеко топать.

Найдён уже не в первый раз слышал, как Степанида называла его «Милый», но не при-
давал этому значения – он думал, что это одно и то же, что Найдён, что «Милый», что Стеша.

Поэтому, оторвавшись от наблюдения за бобрами, которые не обращая на него внимания,
занимались своими бобровыми делами, ответил:

– Иду милая.

У Стешы от счастья забилося сердце. Оно готово было выпрыгнуть из груди, и она, под-
нявшись на ноги, заключила подошедшего Найдёна в объятия, и расцеловала. сил:

– Степа, ты это, чего?

На Стешу словно ушат холодной воды вылили. Она вначале покраснела, затем, хмуро
пробормотала: «Да это я так.., от радости, что ушли от урядника...

– Ааа, а я думал, что от радости только смеются, – сказал Найдён, и стал уплетать еду.

Стеша после его ответа загрустила. Настроение испортилось. На лицо её словно набежала
туча.

А обед показался ей совершенно безвкусным. В душе она надеялась.., на другой ответ,
и... на другую реакцию, но...

Собрав остатки обеда и свернув импровизированную скатерть, Стеша повела Найдёна
дальше.

Шли молча: Найдёну некогда было разговаривать – он с любопытством смотрел по сторонам, а Стеша... Ей было горько от равнодушия спутника, которого она любила всей душой. Её сердце болело и страдало от безответной любви... И у неё непроизвольно закапали слёзы.

А Найдён, не замечая её состояния, продолжал радоваться словно ребёнок, каждому увиденному им неизвестному цветку или букашке.

* * *

Солнце уже начало склоняться к горизонту, когда они вышли, к вставшему у них на пути, горному кряжу.

Стеша, вытирая покрывший лицо пот, обернувшись к идущему позади Найдёну, сказала:

– Найдён, до темноты успеем дойти до избушки, уже недалеко.

– Стеша, а что это за гора? – спросил Найдён, и с любопытством стал разглядывать её.

– Гора? Это не гора. Это горный кряж. Раньше здесь добывали, если не ошибаюсь..., во всяком случае так де-

душка говорил, добывали в каких-то шурфах золото. А промывали в здешней речушке... – Найдён, пошли, а то до темноты не успеем, – сказала она и, не дожидаясь Найдёна, отправилась дальше.

Но теперь она пошла не вдоль берега, а повернула вдоль кряжа, в глубину тайги, туда, где было мрачно даже при солнечном свете.

Найдён, словно не расслышав её слов, продолжал смотреть на гору.

Речка, словно перерезая её, уходила всё дальше и дальше в тайгу, туда, куда человек не мог заглянуть.

В этом месте берег был настолько крут и высок, что вершину кряжа можно было увидеть только задрвав голову. И эта крутизна состояла сплошь из скальных пород. Ни одно деревце или кустик не могли закрепиться на нём.

Кряж словно разделял тайгу на две части, а речка была единственным проходом из одной части в другую.

Найдён стоял и смотрел, и никак не мог оторвать взгляда от представшей перед ним картины. По его

напряжённому лицу можно было догадаться, что он пытается вспомнить, но никак не может. *что-то*

Так и не вспомнив это «что-то», задумавшись, он последовал за Стешей.

Очнулся он от крика – Стеша звала его:

– Найдён, иди сюда скорее! Посмотри, какой малинник! Иди скорее!

Найдён поискал взглядом Стешу, и увидел: она забралась в самую гущу малинника, горстями рвёт ягоду, и ест. Сок малины стекает по её подбородку, а губы покраснели.

Он собрался было последовать её примеру, как новый, теперь уже испуганный крик, почти визг, заставил его насторожиться.

Взглянув в сторону кричащей Стешы, он увидел две головы рядом: кричащую Стешу, и огромную голову медведя!

Испугавшись за жизнь девушки, он оцепенел, затем:

В следующее мгновение, он, вытащив нож, уже продирался к ней сквозь колючие кусты, но не успел...

Медведь, вероятно напуганный истошным визгом девушки, уже ломился сквозь кусты, оставляя позади себя приметные пятна!..

Подбежавший Найдён, обняв Стешу, стал успокаивать её.

Она же, прижавшись к нему, всхлипывая, повторяла: «Ты спас меня..! Ты спас меня..!», и даже не пыталась освободиться из объятий, а наоборот, всё сильнее прижималась к нему...

Найдёну передалась взволнованность девушки, но он принял её за обыкновенный испуг. Поэтому, глядя её по голове, он, успокаивая, повторял: «Успокойся. Его больше нет. Он убежал испугавшись тебя...» А вспомнив, какого дёру дал медведь, расхохотался...

Освободив девушку от своих объятий, Найдён, приседая, и хлопая себя по ногам, хохотал: о-хо-хо! Ха-ха-ха! Да так заразительно, что вначале... Стеша, не понимая, чего это Найдён так развеселился, сначала робко, а потом тоже расхохоталась...

Не зря же в народе говорят, что смех, как болезнь, заразителен. То же самое произошло и с девушкой.

Выбравшись из кустов, они пошли дальше. Но их путь нет-нет да сопровождался приступами смеха...

Глава девятая

Так уж совпало, что с последним лучом солнца Стеша завернула за выступавшую скалу, и остановилась.

Найдён, шедший позади неё, не ожидал такой остановки, и упёрся в спину девушки.

А она даже не отреагировала на его толчок.

Первое, что он произнёс, это недовольное: «Ты чего остановилась?».

Стеша обернулась, и со словами: «Посмотри туда», рукой показала вперёд.

Найдён увидел метрах в сорока-пятидесяти сгоревший остов избышки, и удивлённо спросил:

– Это то место, куда мы должны были прийти?

– Да.

Ответ девушки был лаконичен, и не оставлял никаких причин для сомнения, что это конечный пункт их маршрута.

Стеша подошла ближе к пепелищу, и с задумчивым выражением лица стала разглядывать остатки избышки.

– Кто это мог сделать? – прошептала она. Десятки лет никто её не трогал... Иногда кто-то останавливался отдохнуть, или укрыться от грозы..., но вот так...

– Может молния в неё попала? – попытался угадать Найдён.

– Нет... Молния не могла..., – покачала головой Стеша, – Посмотри туда, – она кивнула головой вверх, – видишь, над избой нависает скальный козырёк...

Найдён посмотрел в указанном направлении. Действительно, сверху, над пепелищем, нависал скальный козырёк, и он был цел.

Тогда не знаю, ответил он. Затем, смотря на оставшиеся несколько не сгоревших брёвен, Найдён, тронув Стешу за рукав куртки, осторожно спросил:

– А где же мы будем... ночевать?

Стеша, словно её покинули мрачные видения, медленно окинула взглядом остатки сгоревшей избы, и переспросила:

– Где будем ночевать?

– Ну-да..., – ответил Найдён, и посмотрел на Стешу. Может здесь и заночуем, а?

Стеша, не ответив, сняла с плеч мешок, и произнесла: «Помоги мне», полезла через остатки брёвен к скале.

Найдён, недоумевая, полез за ней.

У самой скалы она стала отбрасывать не сгоревшие головешки, расчищая подход к скале.

Найдён, всё ещё не понимая, зачем она это делает, стал помогать ей. Вскоре они смогли очистить место возле скалы, и часть самой скалы. И Найдён увидел достаточно узкий лаз в скале.

Стеша, произнесла: «Я щас», полезла внутрь, и уже оттуда Найдён услышал: «Найдён, подай мой мешок и свой тоже, а потом сам забирайся сюда».

Найдён передал Стеше мешки, и всунул голову в отверстие. В него мог пролезть человек, но не медведь, и Найдён понял, что оно специально было прорублено такой величины, чтобы иметь защиту от крупного зверя.

То что он увидел, удивило его. Он даже как-то застыл без движения, а только переводил взгляд с одного места на другое, с одного предмета, на другой...

Стеша уже зажгла светильник, и Найдён в его неверном свете старался охватить всё взглядом.

Пещера была небольшая по размеру, где-то пять на пять метров. Стены выровнены человеком, а не природой, и на них, заменяя ковры, были натянуты шкуры.

Два топчана, стол, и пара табуреток – вот и вся мебель. Зато пол покрывала целая медвежья шкура.

Но приглядевшись внимательнее он понял – это ещё не всё: в одной из стен была вырублена небольшая ниша, но что в ней находилось, он не смог увидеть.

* * *

...Найдён, ты чего застрял, – услышал он насмешливый голос Стешы.

– Я не застрял. Я рассматривал, – ответил он, и влез в пещеру.

– Тогда располагайся. Это твоё жилище на некоторое время... До него, слава богу, огонь не добрался, – продолжила Стеша, и стала доставать из мешка продукты: – надо поужинать.

– Устроено, конечно, замечательно, – в голосе Найдёна прозвучало сомнение, – ну, а вдруг..., волки, или... не дай бог, тот же медведь..., а у меня кроме ножа..., только две руки.

– Об этом можешь не беспокоиться. Правда, я хотела тебе позже сказать, ну, да ладно...

Стеша, прихватив табурет, зашла в самый дальний и тёмный угол пещеры, влезла на него, и пошарив рукой в углублении стены, что-то достала.

Найдён, наблюдавший за её действиями, увидел у Стешы в руках какой-то продолговатый предмет, завёрнутый в рогажу.

– Стеша, что это?

– Сейчас увидишь, – ответила она, и вернулась к столу. – Смотри.

Разворачивая, словно священнодействуя, рогажу, она положила на стол винтовку и подсумок.

Найдён, увидев оружие, даже задержал на некоторое время дыхание, а на лице Стешы появилось довольное выражение от произведённого эффекта.

– Ну, как? – спросила она, – у тебя только нож?

Найдён в замешательстве только покачал головой.

А Стеша продолжила:

– Это дедушка делает тебе подарок, чтобы ты не боялся медведей...

В её голосе прозвучали одновременно, и радость, и некоторое сожаление.

– Бери, владей! В подсулке три полных обоймы, и в магазине десять патронов...

Найдён потянулся за винтовкой, потом неожиданно отдёргнул руку.

– Ты чего? – заметив его реакцию, спросила Стеша.

– Ты же сама мечтала о ней, – медленно проговорил Найдён.

– Мечтала, – согласилась с ним Стеша, и продолжила: – но дедушка сказал, что этой винтовкой может владеть только мужчина... А я не мужчина..., к сожалению...

Стеша погладила винтовку, и уже более решительно произнесла:

– Бери, что ли! Только проверь её сначала, да смажь, она давно там лежит. Её туда ещё прадедушка спрятал.

Найдён вновь завернул винтовку в рогажу, и положил на топчан. Лицо его светилось от счастья. На нём так и проступало выражение – я настоящий мужчина! У меня даже своя винтовка есть!

Утром Стеша засобиралась в обратный путь.

Глава десятая

Весь день, до позднего вечера, Николай Фёдорович следил за избой деда Евсея, но ни Стеша, ни постороннего «молодца» так и не увидел.

Да куда же они запропастились, чертыхался в душе урядник? У них, что, работы нет во дворе? Один дед шныряет то в сарай, то в избу...

А где же девка и парень? Их што, дома нет?

Ну, допустим, рассуждал урядник сидя на толстой ветке, Евсей корм задаёт, а кто же коровёнку доит? Неужели сам дед? А тогда.., что цельный день делает Степанида, даже во двор не выходит? А этот, пришлый,

каторжник беглый? Как он-то умудряется в избе сидеть, и глаз во двор не казать? Нет, что-то тут не так... Пойтишь што ли, да напрямую поспрошать? А вдруг спугну?..

Так и не решив, что делать, урядник уехал домой. А утром, чуть рассвело, он опять был на своём «посту». Но двор был пуст – никакого движения не наблюдалось! Только дед иногда выходил во двор, да в сарай.

А может дед этого беглого каторжника в сарае прячет? Што, и Степанида с ним, с каторжником, в сарае? А может я ошибся, засомневался Николай Фёдорович? Может мне поблазнился чужой человек во дворе?

Так я вроде тверёзый был все остальные дни... Но Степаниды-то всё не видать... Она-то куда подевалась? Может в село ушла? Так почему я не увидел?

Урядник совсем растерялся. Ему даже на какое-то мгновение подумалось, что у него не всё в порядке с головой.

Когда и после обедешного времени Степанида не появилась во дворе, Николай Фёдорович не выдержал, и решился на принятие самых, что ни на есть на свете, решительных мер.

К тому же он здорово проголодался, и зад от сидения на дереве совсем «одеревенел...».

Он, держась за ветки и сучки, медленно слез с дерева, и дойдя до ворот, затарабанил.

* * *

Вскоре послышалось старческое покашливание, и у ворот кто-то недовольно спросил:

– Кому приспичило стучать в ворота? Мы никого не ждём, проходите мимо.

Урядник узнал голос деда Евсея, и обозлённо заорал:

– Открывай дед Евсей! Я знаю, ты прячешь в избе беглого каторжника! Открывай немедленно, а то ворота сломаю!

– Господь с тобой, господин урядник... Какой беглый каторжник? Как проживали мы вдвоём с внучкой, так и проживаем...

– Так какого лешего ты меня в двор не впускаешь? – совсем разъярился урядник. Открывай немедленно! Буду зараз обыску делать в избе и в сарае, и двор весь переверну, ежлив не выдашь каторжника!

– Так чево ж вы кричите? – ответил Евсей, – так бы и сказали што беглого ищите... Так у нас вы его не найдёте никогда.

– Открывай ворота, дед! Долго я ещё тут стоять буду, старый хрыч?

– Щас, господин урядник... Щас, Николай Фёдорович. Знать бы раньше, што вы заглянете к нам, так я бы с погреба настоечки достал...

Евсей, продолжая разговаривать с урядником, всё не открывал ворот.

Николаю Фёдоровичу надоела такая «волынка» и, он, озверев, вновь поднял руку, чтобы затарабанил, но ворота открылись, и дед Евсей, собственной персоной, предстал перед урядником.

Николай Фёдорович быстро окинул «всезнающим» взглядом деда Евсея, таким он всегда считал свой взгляд, Он ему казался цепким, всё примечающим, и пронизывающим насквозь человека.

Но вид у деда был всегдашний: спокойный, и даже чуть насмешливый.

Урядник, почти оттолкнув Евсея, чуть ли не бегом зашагал к избе. Заглянул в одну комнату, потом в дру-

гую, а в третьей его встретил испуганный вскрик Степаниды! Она натягивала на себя платье!

Извиняйте, пробормотал урядник. Я не думал вас застать в таком виде..., и вылетел из дому.

Даа, некрасиво получилось, подумал Николай Фёдорович, но посмотрим в сарае, тут мы его, голубчика, и прищучим. Вытащив наган из кобуры, он, осторожно ступая, вошёл в сарай.

В сарае тоже никого, кроме животных, он не нашёл.

Куда же старый хрыч спрятал каторжника, бегая по двору, спрашивал себя урядник. Он даже на сеновал поднялся, и в погреб спустился, но того, кого искал, так и не нашёл.

А дед Евсей стоял на середине крыльца, и хитро, почти насмешливо улыбаясь, наблюдал за беготнёй урядника.

Поняв, что никого он у деда Евсея не найдёт, урядник зло посмотрел на деда, и погрозив пальцем, сказал:

– Смотри у меня! Не на дурака напал! Всё одно я найду твою каторжника!

– Конечно, господин урядник, – ответил Евсей. – будет время заходите в гости...

Урядник, вдруг, что-то вспомнив, обернулся, и задал, по его мнению, каверзный вопрос:

– А где твоя Степанида, почитай, два дня пропадала?

Евсей ожидал такой вопрос, ждал, когда же урядник задаст его и, не задумываясь, ответил:

– Так она, это, Николай Фёдорыч, как бы приболела малость..., вот и не выходила из избы.

И вновь на лице старика промелькнула насмешливая улыбка, и чтобы скрыть её, заперхал жиденьким кашлем. А потом ещё и сказал: «Чтой-то и на меня какая-то хвороба напала... Боюсь, шоб на вас, господин урядник не перекинулась».

Ну, погоди, старый чёрт, доулыбаешься, внутренне ругнулся урядник! Ишь ты, хвороба на него напала...

Глава одиннадцатая

Урядник сидя верхом на коне, медленно ехал в сторону жандармского отделения...

Конь, не чувствуя повода, брёл по дороге, изредка поднимая копытами пыль, а вездесущий ветерок относил её в сторону. Иногда он наклонял голову, и хватал губами росшую на обочине, траву...

Урядник, вспоминая своё посещение Евсея, и поиски беглеца в его хозяйстве, неожиданно очнулся от дум. Он мысленно представил натягивающую платье Степаниду, и рядом, на полу, валявшуюся её охотничью одежду.

Почему она валялась на полу рядом с девчонкой, задал он себе вопрос? Почему Степанида так испугалась, когда он так бесцеремонно заглянул в её комнату? Не только же из-за его нескромного взгляда, а скорее всего, из-за неё, из-за одежды... Значит... я что-то упустил, решил урядник, и сильно натянул повод.

Послушный конь, заржал от боли причинённой удилами, и остановился. А урядник, плёткой стегнув ни в чём неповинное животное, направил его обратно, к избе деда Евсея...

Николай Фёдорович подгонял и подгонял коня, стараясь поскорее добраться до покинутого им дома. Он почему-то только сейчас подумал о своей ошибке: он не осмотрел ограду вокруг дома.

А вдруг позади избы в ограде имеется тайный лаз? Вот через него Степанида и каторжанин сбежали от ме-

ня, скрипнул зубами урядник. Вот почему так ехидно улыбался дед Евсей.

А он-то, дубина стоеросовая, обругал себя урядник, следил только за воротами... Надо было вахмистра позвать на помощь. Вот тогда-то мы, вдвоём, уж точно застукали бы эту шайку христопродавцев!

Но... делиться с ним.., урядник даже задохнулся от одной только мысли об этом, себе дороже. Вахмистр, подлюка, себе припишет поимку, а он, Николай Фёдорыч, останется при своих интересах...

Нет, правильно, что я ещё не позвал его на помощь, успокаиваясь, прошептал урядник. Обойдусь без помощников, сам изловлю...

* * *

Урядник не стал подъезжать близко к ограде. Он привязал коня подальше, за кустами, чтобы никто не увидел его, и крадучись отправился пешком вдоль ограды...

Иногда он даже пытался руками раздвинуть забор, в показавшемся ему подозрительным, месте.

Позади избы он обнаружил под забором лаз. Такие лазы проделывают собаки, когда бегают на свиданку с подругой, решил урядник, и хотел отправиться дальше, но что-то привлекло его внимание – ему показалось, что лаз великоват даже для собаки. Хотя, как знал урядник, Шарик был крупным псом, но не до такой же степени...

И урядник даже стал на колени, чтобы хорошенько рассмотреть найденную дыру под забором. А вскоре... нашёл и доказательство своей правоты – кусок оторванной ткани.

Вернувшись к коню, он отвязал его, и хлопнув ладонью по крупу, сказал: «Иди домой!». Послушный конь, вначале неуверенно, а затем трусцой, направился знакомой дорогой домой.

Урядник, прихватив с собой чересседельную суму с харчем и водой, отправился на новый наблюдательный пост. Он решил: уж не сегодня, так завтра, но обязательно выследить, если не самого каторжника, так Степаниду.

Она знает к нему дорогу, злобно шептал урядник, знает... Поэтому и не было её дома эти дни: к каторжнику бегала, стерва, вот где она была..! Всё врёт Евсей..., всё! Ишь, болеет она... Ага, знаем, какая болячка у вас Степанида...

Уж теперь я вас, голубчики, не выпущу из рук, поклялся он, устраиваясь в кустах рядом с дырой под забором! Неделю буду сидеть, спать не буду, ежлив понадобится, шептал он наверное в сотый раз, а может быть и дольше буду тут сидеть, но вас поймаю!..

Он, ещё что-то продолжая злобно шептать, всё никак не мог устроиться в кустах. Всё ему мешало: то ветка вид заслоняла, то какой-то зловредный сучок не давал ему примостить свой зад...

Наконец он, с грехом пополам, сумел устроиться

* * *

Пришёл вечер, за ним ночь. Из-за деревьев выплыла круглая луна, и осветила своим голубовато-жёлтым светом тайгу.

Урядник, прислушиваясь к ночным звукам, не отрываясь смотрел на место в заборе, где должен быть лаз.

От напряжения в глазах стали появляться какие-то чёрточки и пятна, и урядник, чтобы избавиться от них, стал изредка прикрывать глаза...

Тишина баюкала его, навевала дремотное состояние, но урядник стоически сопротивлялся: широко открывал глаза, тарасился в тускнеющие очертания тайги и забора. В какой-то момент он потерял контроль...

Открыв глаза, урядник с удивлением увидел возле своего лица собачью голову с разинутой в оскале пастью... Решив, что это привиделось ему, он отмахнулся рукой, но услышав грозное рычание, весь сжался, и закрыл глаза...

Волк, решил он! Всё, я пропал!

Его мозг лихорадочно заработал ища спасения, но услышал знакомый, старческий, с хрипотцой, голос деда Евсея:

– Урядник, ты чевой-то здесь разлѣгси? Али жонка из дому попросила?

А потом.., невероятный случай, волк заперхал старческим смехом деда Евсея.

Николай Фѣдорович приоткрыл один глаз, и увидел: рядом с ним стоит старик Евсей, и насмешка морщит его губы, а Шарик грозно скалит зубы...

Урядник поднялся и грубо ответил:

– Не твоя забота, старик! Где хочу, там и лежу! Нечего скалиться!

– Ну-к, что же, правда твоя, – насмешливо ответил дед Евсей, – токмо... так и простудиться можно, чай не лето. Вишь, лист жѣлтый уже начал дерева покидать.

– Не твоя забота! – сердито сказал урядник и, отряхнув штаны, отправился домой.

Евсей провожал взглядом урядника, пока тот не скрылся за деревьями.

Следит за нами, недовольно прошептал Евсей, всё хотит узнать про Найдѣна... Как таперица Степанида будет до пещеры ходить? Он же, язва, как тот пѣс шелудивый, вцепится в кость и не отпустит, пока его дрыном не огреешь...

Надоть внучку предупредить, штобы остерегалась, да поглядывала в тайге по сторонам... Я уж стар часто туда ходить, а Степанида ишшо не опытная в ентом деле... О-хо-хо, вздохнул Евсей, и тоже отправился домой.

Глава двенадцатая

Стеша уже два дня, от томившего её беспокойства, места не находила. Одна и таже мысль не давала ей покоя: что-то случилось с Найдѣном! Что-то у него неладно...

На её нервозное состояние даже Евсей обратил внимание, и как-то поинтересовался:

– Што с тобой, внучка? Чего ты.., словно неприкаянная бродишь по избе? Али, што тревожит тебя?

В конце-концов она не выдержала, и созналась.

– Дедушка, что-то случилось с Найдѣном.., я это чувствую...

– Дак, чего с ним может случиться? – не согласился Евсей: – Крыша над головой есть, продухтов достаточно.., а через пару дней ты пойдѣшь, и проведаетшь его...

– Нее, деда... Я сердцем чувствую: что-то у него неладно, Разреши, деда, я прямо шас и пойду.

– Дак, куда ж ты.., на ночь-то глядя? Солнце, вишь, заплдень повернуло.., – засопротивлялся Евсей.

– Ничего, дедушка, я к тайге привычная, да и дорога знакомая, не дальняя... К вечеру дойду. Одна-то я быстро хожу.

Евсей задумался. Он боялся потерять парнишку, так он его называл, и очень боялся за Степаниду: хоть и опытная, и сильная, и к тайге приучѣнная, а всё ж девчонка... Ей ли по ночам в тайге бродить?

А ну, как в тайге встренится с волками, али с медведем? А вдруг разбойники какие встренутся..? И решительно сказал:

– Едят тя мухи! Ты што, не слышишь? Я с тобой пойду, внучка. Мало ли чего...

– Деда, так я ж не впервой одна пойду в тайгу... Ты что, забыл?

Ох, чтой-то боязно мне за тебя... Нет. Не супротивься, вместях пойдѣм, – сказал Евсей, и начал собираться.

* * *

Найдѣн в очередной раз высунул голову из пещеры, и осмотрел окрестности. Тайга хранила загадочное молчание.

Но вот, метрах в пятидесяти-шестидесяти, так показалось Найдѣну, тишину нарушила барабанная дробь, и тут же заполошно застрекотала сорока.

Найдён поискал взглядом нарушителя тишины: на стволе одного из кедровых деревьев он увидел красноголовую серенькую птичку.

Дятел, догадался Найдён, это он своей барабанной дробью спугнул сороку.

Ещё раз осмотрев местность, Найдён вылез из пещеры. В руках он держал винтовку, и подсумок с патронами. Прислонив винтовку к скале, продел ремень в подсумок, опоясался, и ещё раз оглядевшись, направился в сторону речки.

Подойдя к малиннику, где он и Стеша встретились с медведем, остановился, и долго рассматривал кусты. Кажется медведя нет, решил он, но на всякий случай держа винтовку наготове, двинулся дальше.

Часа через три он, по шуму текущей воды, понял – он у цели своего похода.

Найдён и сам не знал, чем его манило это место: обыкновенная горная речка, обыкновенный горный кряж, разрезанный речкой на две половины... И если бы речка не разделила его, решил Найдён, то за кряжем образовалось бы озеро.

Он подошёл к самому берегу, и прислушался к шуму, скорее, к её грохоту. Прямо Громотуха какая-то, восхитился он. Гремит-то как, прямо аж уши закладывает..!

Он ещё постоял, посмотрел на бурлящую речку, на окружающую её девственную тайгу. Течение ручьи было настолько быстрым, что наверняка сбило бы с ног человека, задумавшего перебраться на другой берег, решил он. Затем, оглядевшись вокруг, поискал на что бы сесть. На глаза попало несколько валунов.

Увидев валун покрупнее, Найдён пристроился на него. Винтовку положил на колени, и так, сидя, стал смотреть на крутой обрывистый берег. Сначала он посмотрел на «свой» берег, затем, перевёл взгляд на противоположный...

Что же меня встревожило прошлый раз, задал он себе вопрос? Но ответа не было – это место ни о чём ему не говорило, и ни о чём не напоминало... Но почему же оно зацепило меня, подумал он? Почему? Что заставило всколыхнуть мою душу..? Что?

Найдён опять посмотрел на оба берега, и закрыл глаза, чтобы попытаться хотя бы таким способом вызвать

какой-нибудь образ. И почти сразу же испуганно открыл!

Словно из ружья прогремел выстрел в голову, и вспышкой в ночи на миг осветило картинку: он, в порванной во многих местах одежде, босиком, на израненных до крови ногах, идёт к обрыву... Позади него, с винтовками наперевес, идут солдаты... Они о чём-то весело переговариваются...

И всё! Больше Найдён ничего не увидел! В голове завертелся, закружился какой-то хаос из картинок и образов, но разобраться в них не было сил!

Он попытался вспомнить, когда, и где это было, но в голове полный провал! Он даже обрыв не успел рассмотреть, настолько коротким было видение. В тот же миг в голове возникла адская, разрывающая на части, головная боль...

Почему-то, когда Найдён открыл глаза, он обнаружил, что лежит на земле, рядом с валуном. Возле него валяется винтовка, а в голове звенит, словно это был чугунный котелок, по которому ударили колотушкой.

Найдён понял, на какое-то время он терял сознание, но на какое?

Но ещё более всего удивило, как он оказался здесь, лежащим на земле? Почему рядом лежит чья-то винтовка? Что это винтовка, он сразу понял, потому что хорошо разбирался в оружии... Так что же с ним произошло?

Вновь примостившись на валуне, Найдён поднял винтовку, положил на колени, и огляделся вокруг...

Вокруг, куда бы он ни посмотрел, была тайга, а над ней синее-синее небо, без единого облачка. Солнце высоко висело в небе, и своими лучами золотило тайгу. Внизу, почти у самых ног, зажата в крутых берегах, несла свои быстрые воды речка.

Как же я попал сюда, пытался вспомнить Найдён? И сколько ни пытался, не находил ответа. В его голове роились непонятные обрывки образов, но ни за один из них он не мог ухватиться – они ускользали от него...

И куда мне идти, во весь голос закричал он? Где мой дом..? Где моя семья?.. Кто я..?

И увидел двух людей, идущих вдоль речки: один из них был старик, а рядом с ним шла девушка.

Когда Найдён, крича, спрашивал «Кто он?», эти двое тоже, наверное, увидели его, и услышали его крик.

Старик, перебирая ногами, засеменял по-стариковски, а девушка побежала к Найдёну.

Что-то знакомое показалось ему в их фигурах и лицах, но когда, и где он с ними встречался, вспомнить не мог...

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он с путниками.

Затем, ещё раз окинув их взглядом, произнёс:

– Мы с вами раньше не встречались? Я вас где-то видел, а вот где, не могу вспомнить...

Девушка, бежавшая к нему с распростёртыми объятиями, вдруг, словно налетев на препятствие, остановилась: на лице её читались недоумение и испуг. Затем, глаза наполнились слезами, и она, спрятав лицо в ладонях, горько зарыдала. А подошедший старик, услышав его вопрос, в ответ лишь покачал головой...

Глава тринадцатая

Весна одна тысяча девятьсот восемнадцатого года для Найдёна была полна сюрпризов, и не очень радостных, и не очень понятных.

На селе разное болтать стали: особенно после возвращения двух солдат с фронта. Они будоражили сельчан своими рассказами, сбивали с толку.

А тут ещё дедушка Евсей как-то рассказал Найдёну, что на войну призвали из села десять мужиков, а вернулись только эти двое. Остальные же, сказал он, головы сложили за батюшку царя и Отечество на фронте, в какой-то Германии.

Конечно, энтим больше повезло, сказал он, хотя... как посмотреть – вернуться-то, вернулись, да ущербные: один вернулся без руки, а другой... на деревянной ноге.

И энти солдаты, отгуляв неделю всем селом за «возвращение», принялись сельчан мутить своими разговорами про революцию, да про землю...

Оне, оказывается были разных званий..., не воинских, а политических. И звания какие-то у них чудные – один называет себя каким-то непонятным словом «большевик», а другой прозывает себя «эсером».

Што за «большевик», што за «эсер» никто из селян понять не может. И гуторят они разное, особенно в последнее время. Ну-к чаво не погугорить, коли не знашь доподлинно, што энто за люди такие...

Я, ишшо когда в Ново-Николаевск ездил продавать кедровый орех, слышал, будто царя-то скинули, а заместо него стал какой-то Ленин. А ещё говорят, он из большевиков, и за простой народ...

А народ в городе всё с красными флагами по улицам ходит. Кругом только и слышно – Свобода! Равенство! Братство!

Понимашь, Найдён, я так и не понял, о какой народ в городе гуторит. В тайге у нас все свободные, ни одного крепостного нет, царь-батюшка ослобонил... И ваще, казаки всегда свободными были... Кака ишшо *Свободе*

«Свобода»? Главное, не ленись, а честно трудись, как, к примеру, я, али Степанида, али ты...

Не здря же в народе гуторят: «Не потопаяешь – не полопаяешь!». Трудись, и всё завсегда у тебя будет. Али не прав я, а? Найдён, как скажешь?

Найдён многому удивлялся, но одно всё-таки радовало: как-то, в одночасье, исчезли из села урядник, вахмистр и поручик. Куда подевались, никто сказать не мог – который день не видать их,

Найдён почувствовал себя свободно, словно мешок с картошкой с плеч скинул. Он стал выходить со двора, часто останавливался среди собиравшихся на какое-нибудь сборище сельчан. Слушал кто о чём говорит, но многое не понимал, особенно в речах солдат.

На одном таком сборище Найдён послушал что говорит одноногий солдат-большевик, так он называл себя. Он говорил о свободе народа, о том, как народ богато заживёт при новой власти без царя-узурпатора... И тут же предложил селянам избрать какой-то Совет, а в Совет достойных сельчан.

Сельчане слушали, перешёптывались, а кто-то насмешливо спросил:

– Гришка, а кто будет главным в Совете? Не ты ли?

– Пошто я, – ответил одноногий, – Совет изберёт главного сам... Он будет председателем Совета... Ну, а ежлив мой совет понадобится, то завсегда пожалуйста. Выбирать можете любого.., достойного из казаков.

Женский голос из толпы выкрикнул: «Лавочника Мефодия в Совет! Его все уважают!». А чей-то мужской голос, Найдён не успел разобраться кто это, сказал: «Помолчала бы. Не бабье это дело власть выбирать! Твоё дело, Марфа, подол успевать задирать».

Ах, ты косорылый, огрызнулась Марфа! Перед тобой што ли? Та ни в жисть!

В толпе раздалось – гы-гы-гы,.. га-га-га... А кто-то подзуживающе произнёс: «Так его Марфа! Молодец, отбрила!»

Найдён поискал взглядом Марфу, и увидел в толпе полную женщину, и недалеко от неё плюгавого казака с искривлённым набок носом.

Аа, как же мы, которые не казаки? Мы шо, не люди, вновь закричали из толпы? Пошто токи из казаков?

Началась перебранка. Больше всех возмущались женщины-селянки. Мужики степенно помалкивали, и покуривали самокрутки. Они, наверное, ждали, когда их женщины накричатся, а уж потом высказывать своё мнение.

Найдён послушал-послушал, и отправился домой – его этот спор почему-то не заинтересовал. Он не понимал разницы между казаками и не казаками. Для него все они были равны – и те, и другие... всё равно люди, и все они одинаково жили, кто побогаче, а кто победнее – всё зависело от трудолюбия.

Взять хотя бы того же кривоносого – лентяй и пьяница, все об этом знают. Ему богатство никакое на пользу не пойдёт – всё на самогон переведёт. Поэтому его семья в бедности живёт. Чего его, к примеру, в начальство выбрать – всё на самогон спустит...

Село, конечно, не из бедных – избы бревенчатые, не меньше чем пятистенки. У всех имеется своё хозяйство. Что казаки, что крестьяне имеют в хозяйстве коров, лошадей, и мелкую живность...

К тому же дворы,, почитай, рядом, и хозяйство почти у всех одинаковое... А когда приходила пора «шишковать», так все, гурьбой, шли в тайгу..., никто не чванился, и не выказывал своё происхождение или богатство...

* * *

Найдён, сидя на лавочке во дворе, чинил старую сбрую, так, на всякий случай. Мало ли что, а вдруг пригодится...

Неожиданно, со стороны дороги, нарушая дневную тишину, послышался грохот скачущих лошадей. Скакало много, не один десяток! А вскоре мимо ограды уже скакало несколько десятков всадников.

Найдён, ради любопытства, подошёл к воротам, и в щель между двумя створками увидел скачущих – на них была военная форма. Многие из них были офицерами различных родов войск.

Подняв пыль, конница проскакала к центру села, и там стук копыт затих. Остановились, понял Найдён, значит им нужно было наше село... А зачем?

Найдён повернулся, чтобы пойти в избу, и попросить деда Евсея сходить узнать – кто это, и зачем пожаловали? Его почему-то взволновало прибытие такой большой группы всадников. А обернувшись, встретился с встревоженным взглядом Стеши.

Она тоже смотрела вдоль дороги через приоткрытую калитку. Найдён даже не заметил когда она подошла – так был увлечён наблюдением за всадниками. И первый вопрос, который она задала, был о всадниках.

Он, не отвечая, неопределённо пожал плечами, и продолжая молчать, направился к избе.

На крыльце уже стоял дед Евсей, и с любопытством смотрел на приближающуюся внучку и Найдёна.

– Кто энтэ проскакал..., и куды? – спросил он.

– Не знаю, дедушка, – ответила Стеша, и перевела вопросительный взгляд на Найдёна.

Найдён опять неопределённо пожал плечами:

– Я тоже не знаю кто они, дедушка, но их много, почти полусотня...

– И куды направились? – спросил Евсей.

– Мне кажется..., они остановились в центре села, у лавки Мефодия, – неуверенно ответил Найдён.

Однако, пойду посмотрю, едят тя мухи, решительно произнёс Евсей и направился к воротам.

Стеша и Найдён долго ждали Евсея, они уж беспокоиться начали – не случилось ли чего с ним. Но он пришёл уже под вечер, и вид у него был угрюмый.

Плохо дело, ребятки, – сказал он, садясь на лавку. – Вы не поверите, кто у них за атамана...

И кто же это? – одновременно, будто сговорившись, спросили Найдён и Стеша?

– Переодетые в обнаковенную военную форму наши враги!

– Какие, такие, враги? – удивлённо спросила Стеша.

Разве у нас есть враги? И почему ты сказал дедушка, что они переодетые... враги?

А Найдён сразу догадался, кто это может быть, и непроизвольно нахмурил брови.

– Ты, што, Степанида, забыла про урядника? – вздохнув, спросил Евсей.

– Так это..? – протянула Стеша, и не договорив, зажала рот рукой. – Затем тихо спросила, – так это переодетые жандармы..., да, деда?

– Они внучка, они, вилы им в бок? – сказал Евсей.

– Так... зачем они переоделись? – не поняла Стеша.

– Как энтэ зачем? – Евсей покачал головой от непонятливости Степаниды. – Так жандармов даже в армии не уважают, вот они и прикинулись обнаковенными военными.

– А наши селяне? – опять спросила Стеша, – они же знают, што они жандармы...

– Не знаю, што ответить тебе. Наверно боятся их..., вот и будут молчать... Хотя... какая разница остальным казакам. Оне ж, враги наши, хотя и жандармского сословия, а всё ж командирды... А в армии и жандармерии што главное..?

– Что..., главное..? – задрала брови Стеша.

– Главное, внучка, в военном деле... дисциплина, – сказал Евсей. Затем по слогам повторил: дис-ци-пли-на, поняла?

– Поняла, деда.

– Что же, мне опять прятаться? Надоело! Надо покончить с этим раз, и навсегда! – решительно произнёс Найдён.

Стеша, услышав слова Найдёна, испуганно взглянула на него.

Затем, переводя взгляд то на дедушку, то на Найдёна, прошептала:

– Ааа..., как же я..?

В её вопросе было столько страха и за себя, и за Найдёна, что он даже не смог сразу понять, а тем более ответить.

Лишь через некоторое время, подобрав слова, он сказал:

– Ничего страшного. Когда-нибудь это должно было закончиться. Не могу же я вечно убегать и прятаться... Правда, дедушка?

– Правда, Найдён. Все на селе уже давно знают, што ты живёшь здесь..., едят ты мухи. Токмо ты сам не ходи, сказал Евсей, – пуцай оне сами за тобой придут... Если придут...

– Придут, дедушка, очень даже придут. Урядник злопамятен по натуре. Он не оставит меня в покое, пока не прикончит.

– Опять ты прав мой мальчик. Я энто узнал по его волчьему взгляду, когда мы на время встрелились с ним глазами. В них прямо огнём полыхнуло, когда он увидел меня – чистая вражина!

У Стеши от слов Найдёна навернулись слёзы на глаза, их словно туманом затянуло.

А, когда дедушка так сказал про урядника, она, чтобы не разрыдаться, убежала в избу. Здесь, оставшись одна, Стеша уткнувшись в подушку, разрыдалась. Слёзы текли и текли, а она всё не могла остановить рыдания.

Найдён удивлённо посмотрел ей вслед, затем спросил у Евсея:

– Дедушка, что это с ней?

– Тебе видней, едят ты мухи – вздохнул Евсей.

Найдён, пожав плечами, вновь принялся за сбрую, но успел сделать только один стежок: у ворот остановились трое конных верховых.

Евсей и Найдён в одном из них узнали урядника. А он уже, тарабаня в ворота, кричал:

– Эй, Евсей, выходи сюды, и свово каторжника выводи! Таперича не спрячешь его!

Явился чёрт, не ко времени будь помянуто его имя! – прошептал Евсей, и направился к воротам.

– Щас отворю. Чего тарабанить-то, чай не глухой я.

Урядник и один из казаков уже спешили, и как только Евсей отворил калитку, направились к сидящему с сбруей в руках Найдёну.

Найдён отложил иголку, и поднял взгляд на приближающихся к нему казаков.

Глава четырнадцатая

Поручик разглядывал стоящего перед ним юношу. Судя по комплекции, ещё раз внимательно оглядев, прикинул: этот парень вполне может служить в армии. А вот местные казаки считают его не пригодным к службе из-за... памяти. Он, дескать, через несколько минут забывает о чём ему перед этим говорили...

Что ж, посмотрим... Посмотрим..., повторил он, и неожиданно, резким командным голосом приказал:

– Снять одежду!

Найдён, не поняв приказа, посмотрел на поручика. В глазах его и позе явно читалось – я не понимаю вас...

– Раздевайся, или хочешь чтобы тебя другие раздели? – Не терпя возражения, приказал поручик.

Найдён, равнодушно пожав плечами, стал медленно стягивать с себя одежду...

Стоявший рядом урядник, толкнув Найдёна в бок, злобно прошипел:

– Шевелись, каторжник! Его благородие не любят ждать!

Найдён, искоса поглядывая на поручика, снял рубашку и штаны. Оставшись в исподнем, он перестал раздеваться...

– Сымай исподнее! – заорал урядник.

– Достаточно нижней рубашки, – вмешался поручик.

Найдён, сняв исподнюю рубаху, опять остановился.

Поручик внимательно осмотрел раздетого Найдёна.

– Повернись ко мне спиной, – приказал он.

Найдён, повиновавшись, медленно повернулся, при этом непроизвольно подумав – осматривает, словно я лошадь какая...

– Одевайся!

Услышав «одевайся!», Найдён, быстро натянув на себя одежду, стал ждать дальнейшего развития событий.

В кабинете воцарилась гнетущая тишина..

Поручик, разминая пальцами папироску, как-то задумчиво смотрел на стоящего перед ним парня, и молчал.

Урядник, лишь изредка покашливая, по-видимому, чтобы привлечь внимание поручика, словно застоявшийся конь топтался рядом с Найдёном.

А поручик в это время думал: на парне совершенно нет следов цепей и кандалов – значит, он не каторжник. Руки мозолистые, но не настолько, чтобы работать в забое – значит, он не беглый работник с прииска... Правда, тело всё покрыто шрамами, словно он побывал в лапах медведя...

Так кто он? Охотник? А может какой-нибудь исследователь из Петербурга..? Но тогда... почему он оказался в нашем уезде, а не в Ново-Николаевске?..

Словно очнувшись, прапорщик спросил:

– Как твоё имя?

Найдён поднял удивлённый взгляд на поручика.

– Найдён.

Таких имён не существует, каналья, сказал поручик, и брезгливо подевал губами. И вновь спросил:

– Как тебя зовут парень? И по батюшке как?

Смотря прямо в глаза поручику, Найдён ответил :

– Не знаю... Дедушка Евсей и Стеша называют меня Найдёном. Это и есть моё имя... наверное...

– Профессия у тебя какая? – вновь спросил поручик.

Найдён долго молчал. Затем, как-то неуверенно спросил:

– А.., что это такое..?

Поручик, от неожиданного ответа юноши, откинулся на спинку стула, и уставился на Найдёна... Он, действительно, не знает значение слова, или прикидывается..?

Поручик опять внимательно посмотрел на Найдёна: на него смотрел человек с честным, правдивым взглядом. В его взгляде совершенно отсутствовали хитрость, или скрытность...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.